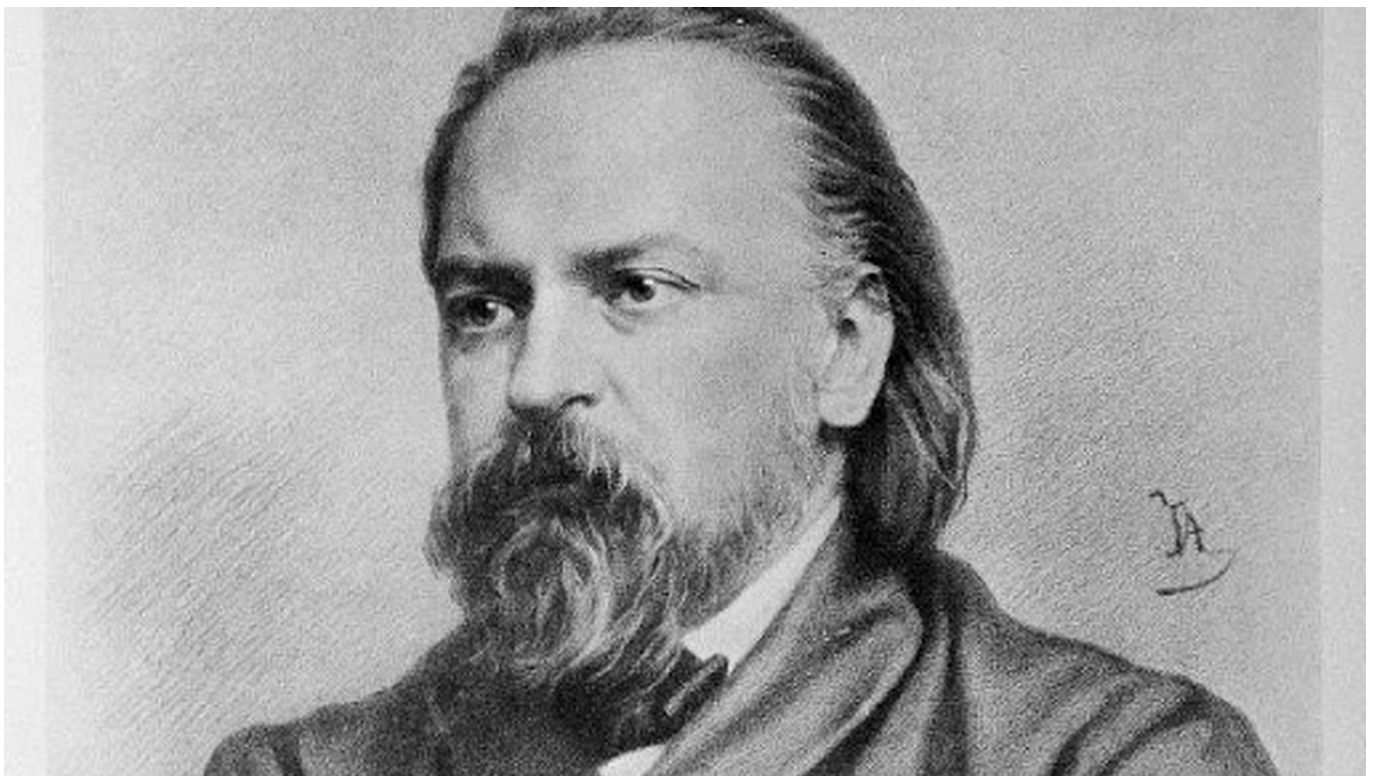


Легенда о швейцарском рае. 13. Александр Герцен, русский революционер и швейцарский гражданин | La légende du paradis suisse. 13. Alexandre Herzen, le révolutionnaire russe et le citoyen suisse

Auteur: Наталья Беглова, [Женева](#) , 17.07.2020.



Александр Иванович Герцен (1812-1870)

Мы продолжаем публикацию серии очерков российской писательницы и автора Нашей Газеты Натальи Бегловой, посвященных истокам швейцарского мифа.

|

Nous continuons la publication d'une série d'essays de Natalia Beglova, une écrivaine russe et une fidèle auteur de Nasha Gazeta, consacrée aux origines du mythe suisse.

La légende du paradis suisse. 13. Alexandre Herzen, le révolutionnaire russe et le citoyen suisse

Первый раз в Женеве: «Страшное это время было в моей жизни»

Судьба Герцена неотделима от Швейцарии. Значительную часть своей жизни Александр Иванович Герцен – писатель, публицист-революционер, идеолог социализма – провел за границей, в том числе и в Швейцарии, гражданство которой со временем получил. Здесь Герцен писал свои теоретические произведения, издавал на протяжении нескольких лет газету «Колокол», терзался от бесконечных семейных неурядиц, измены жены и предательства друга, страдал от череды трагических смертей, которые буквально преследовали его. Невозможно говорить о России и «швейцарской легенде», не рассказав о нем.

Герцен покинул Россию в 1847 году, чтобы принять активное участие в революционном движении, разгоравшемся в то время в Европе. В июньские дни 1848 года Александр Иванович во Франции стал свидетелем поражения революции и разгула реакции. Эти события потрясли его, но в Россию Герцен решил не возвращаться. Почему? Вот как он сам объясняет это свое решение: «Не радость, не рассеяние, не отдых, ни даже личную безопасность нашел я здесь, да и не знаю, кто может находить теперь в Европе радость и отдых. <> Я остаюсь, потому что борьба здесь открытая, потому что она здесь гласная».

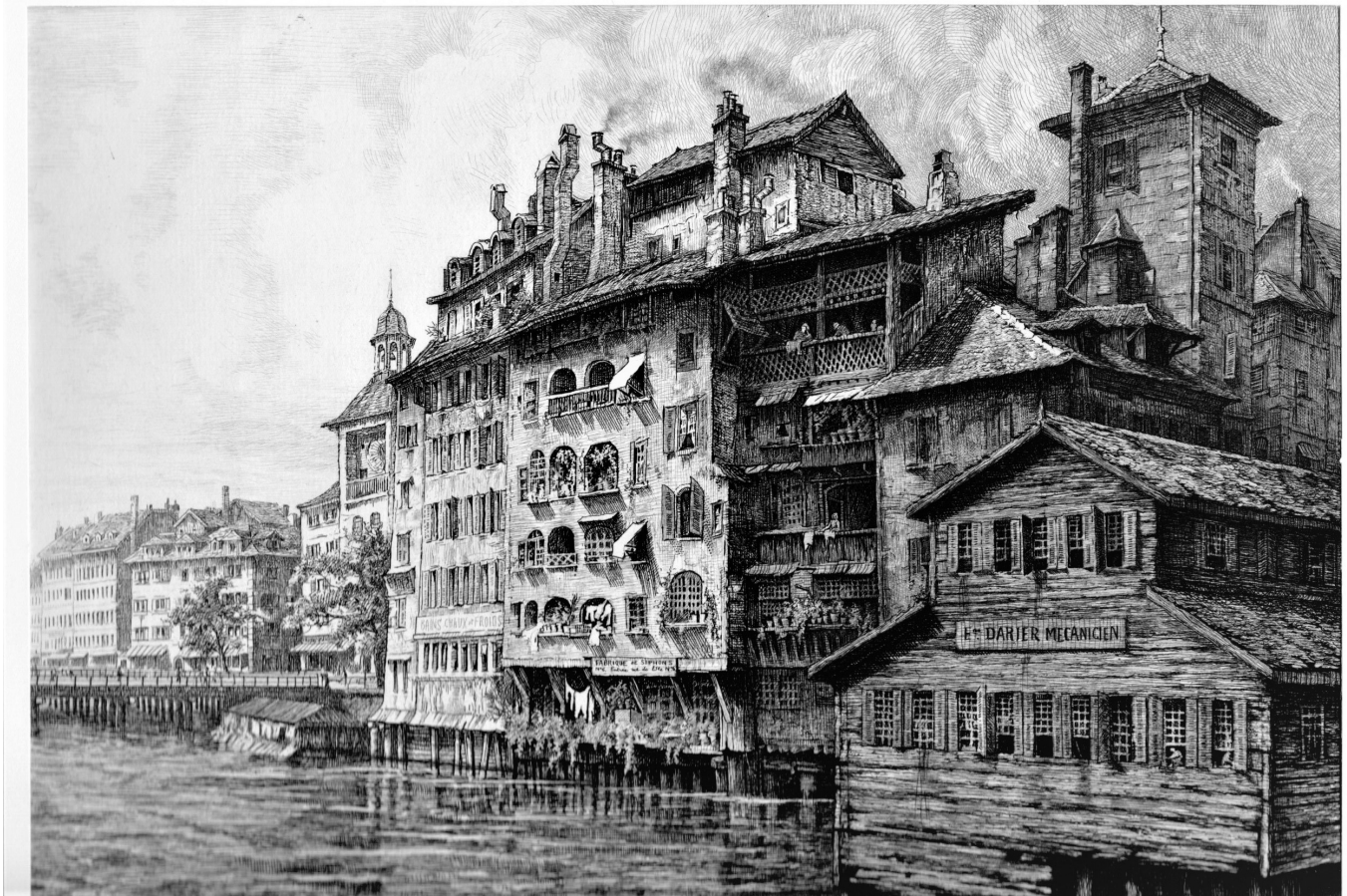
Где же решил поселиться Герцен? Он колебался между двумя странами, еще достойными называться демократиями, – Англией и Швейцарией: «...обе средневековые республики, обе прочно вросшие в землю вековыми нравами». Но Англия стоит несколько в стороне от политических событий Европы, в то время, как через Швейцарию проходят «все учения, все идеи, и все оставляют следы». В эти годы Герцен еще полон восхищения Швейцарией: «Страна эта, призванная вся, от пахаря и работника, к самоуправлению, задавленная большими соседями, без постоянной армии, без бюрократии и диктатуры – является, после бурь революции и сатурналий реакции, той же вольной, республиканской конфедерацией, как и прежде».



Впервые Герцен оказывается в Женеве, этой «старинной гавани гонимых», в июне 1849 года. Через месяц сюда приезжает и его жена Наталья Александровна в сопровождении немецкого поэта Георга Гервега, с которым Герцены сблизились годом ранее в Париже. Герцена и Гервега объединяют не только литературные интересы, но и демократические убеждения, они считали друг друга братьями по оружию и духовными «близнецами». Именно так называла их жена Герцена, Наталья Александровна. Немецкому политическому эмигранту и его жене Эмме предстоит сыграть драматическую роль в судьбе семьи Герценов.

Об этом первом периоде, проведенном в Женеве, Александр Иванович напишет так: «Страшное это время было в моей жизни. Штиль между двух ударов грома, штиль давящий, тяжелый, но неказистый... Жизнь шла неровно, нестройно, но в ней были светлые дни; за них я обязан величественной швейцарской природе». Одни из таких светлых дней Герцен провел в Церматте как раз с Георгом Гервегом. В Церматте Герцен еще не отдавал себе отчета в происходящем, но позднее, в «Былом и думах», заканчивая описание путешествия в Альпы, он размышляет о том, поверили ли бы ему, если бы он сказал, что в этот момент «...середь этой белизны, свежести и тишины, из двух путников, потерянных на этой выси и считавших друг друга близкими друзьями, один обдумывал черную измену?..» На самом деле измена не просто замышлялась, она уже произошла. Роман Георга Гервега с Натальей Александровной был в самом разгаре. Через несколько лет в письме к Александру Ивановичу Гервег признается в этом.

Пробыв в Женеве чуть больше шести месяцев, Герцен покинул Швейцарию в декабре 1849 года и поселился во Франции, в Ницце. Уезжая, Александр Иванович думал, что навсегда покидает Конфедерацию, но ровно через год произошло событие, которое в корне изменило его планы. 18 декабря 1850 года Петербургский уголовный суд постановил: «подсудимого Герцена, лишив всех прав состояния, признать за вечного изгнанника из пределов Российского государства». Стало ясно, что Герцену надо обосновываться за границей надолго, если не навсегда. Это подтолкнуло его к решению получить швейцарское гражданство. И вот в мае 1851 года Александр Иванович вновь оказывается в Швейцарии для того, чтобы оформить документы о «натурализации» в кантоне Фрибур.



Набережная Женевы в районе площади Молар. Когда Герцен приехал в Женеву в 1849 году, город выглядел не слишком вдохновляюще.

Раньше, как мы помним, Герцен говорил, что, помимо Швейцарии, он лишь Англию считал подлинной республикой. Теперь, выбирая гражданство, он отбрасывает английский вариант, зато рассматривает США. Но при всем уважении к Соединенным Штатам жизнь там ему «антипатична», поскольку это «страна забвения родины», а ему не только не хочется забывать отечество, но, по мере того как он утрачивает иллюзии относительно революционного будущего Европы, у него снова возрождается «вера в Россию». Однако возвращаться в Россию, пока у власти находился император Николай, было «безумием». Что же оставалось? Лишь одно: «вступить в союз с свободными людьми Гельветической конфедерации».

Крохотная деревушка Шатель недалеко от Мюртена, в кантоне Фрибур, соглашалась, как объяснял Герцен, «... за небольшой взнос денег в пользу сельского общества принять мою семью в число своих крестьянских семей». Герцен внес 1500 франков в казну общины, а также предоставил свидетельство «о доброй нравственности», выданное бургомистром Ниццы.

В «Былом и думах» Александр Иванович с юмором описывает праздник, организованный во деревне по случаю его торжественного вхождения в гражданство. Староста приветствует его на германо-швейцарском наречии, и Герцен, естественно, ничего не понимает. Понимая, что его также не поймут, в своей ответной речи он вовсе не скрывает, что не собирается любить Швейцарию так же, как и Россию: «Я, любезные граждане, не за тем оставил родину, чтоб искать себе другой: я всем сердцем люблю народ русский, а Россию оставил потому, что не мог

быть немой и праздным свидетелем ее угнетения; я оставил ее после ссылки, преследуемый свирепым самовластием Николая. <...> Вы, граждане Шателя, вы, эти несколько человек, вы могли, принимая меня в вашу среду, остановить занесенную руку русского императора, вооруженную миллионом штыков. Вы сильнее его! Но сильны вы только вашими свободными вековыми республиканскими учреждениями! С гордостью вступаю я в ваш союз! И да здравствует Гельветическая республика!»

После речей все были приглашены отметить столь важное событие. Угощали местным вином, все пили из простых кружек, а Герцену, как виновнику торжества, налили в старинный хрустальный бокал, который Александру Николаевичу пришлось выпить до дна. Вино показалось легким, но впечатление было обманчивым. Весь путь обратно во Фрибур Герцен спал так крепко, что его не разбудили даже раскаты грома. Завершает Герцен свой рассказ об эпопее с натурализацией такими словами: «Итак, вот каким образом я сделался свободным гражданином Швейцарской конфедерации и напился пьян шательским вином!»



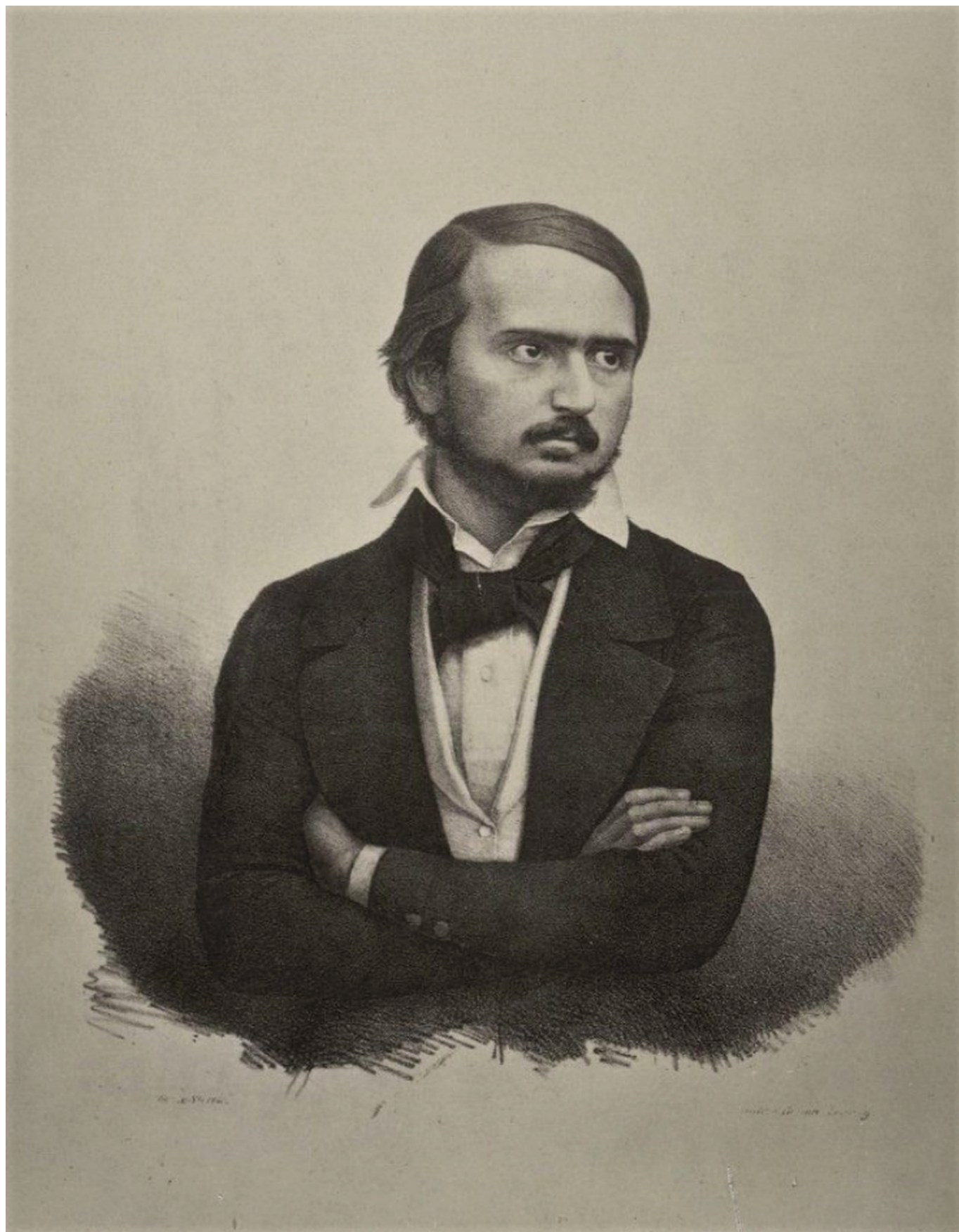
К. Я. Рейхель. Наталья Александровна Захарьина-Герцен. 1842 г.

Думается, не от радости в связи со своей натурализацией Александр Иванович напился пьян. О том, что в тот момент происходило в семье Герцена, писалось очень много. Сам Александр Иванович немало страниц романа «Былое и думы» посвятил истории этой драмы. Но поскольку с ней связан третий приезд Герцена в Швейцарию в 1852 году, нам придется очень коротко напомнить о событиях.

Уехав из Швейцарии в декабре 1849 года и обосновавшись в Ницце, Герцены пригласили туда и «близнеца» - Георга Гервега с женой Эммой. Наталья Александровна, давно уже влюбленная в Георга, мечтала устроить своего рода коммуны-семью, которую она назвала «Гнездо близнецов». Она убедила Герцена, что они смогут на практике доказать жизненность новой нравственности. Герцен с неохотой, но согласился, полагая, что тем самым они продемонстрируют отживающему миру условных традиций новый взгляд на отношения между мужчиной и женщиной, очищенные от мещанских традиций.

И вот, с июня 1850 года две семьи зажили одним домом в Ницце. В основу новой коммуны-семьи изначально были заложены элементы, обрекающие ее на недолгое существование: из четверых ее членов двое были страстно влюблены друг в друга. Когда читаешь письма Натальи Александровны к Гервегу, то поражаешься накалом ее чувств. В данном случае не кажутся банальными слова о поглощавшей ее страсти. Судите сами. Вот фраза из письма, написанного Гервегу 29 ноября 1850 года: «Пусть когда-нибудь люди падут ниц, ослепленные нашей любовью, как воскресением Иисуса Христа». Сказано это буквально через несколько дней после рождения дочери, названной Ольгой. Многие исследователи жизни Герцена полагают, что ее отцом был Гервег.

В январе 1851 года Герцен почувствовал, что так далее продолжаться не может. «В душе моей царила смерть», – писал он, вспоминая эти дни. В январе он потребовал, чтобы Гервеги оставили его дом. После их отъезда семейная жизнь Герценов постепенно начала входить в относительно нормальное русло. Но в ноябре 1851 года на семью обрушилась уже не просто беда, а настоящая горе: в ночь на 16 ноября около Гиерского архипелага столкнулись два парохода. На одном из них находились мать Герцена и глухонемой сын Коля, возвращавшиеся из Марселя в Ниццу. Их тела даже не были найдены.



Георг Гервег, середина 19 в.

Обстановка в доме Герценов становилась невыносимой, и в эти трагичные дни Георг Гервег тешит свое уязвленное мужское тщеславие тем, что строит планы мести. В январе 1852 года Герцен получает от Гервега «страшное письмо», как он сам назовет

его. В письме проставлены точки над всеми «і»: «<...> в порыве любви она (Наталя Александровна – Н.Б.) зачала от меня в Женеве ребёнка, и я никогда не поверю, что вы и тогда не подозревали, как все остальные, – что не настолько обмануты, как хотите представить». В заключение Гервег вызывал Герцена на дуэль. Александр Иванович драться отказывается: «Доказывать нелепость дуэли не стоит – в теории его никто не оправдывает... Худшая сторона дуэля в том, что он оправдывает всякого мерзавца – или его почетной смертью, или тем, что делает из него почетного убийцу.»

Ответив вчерашнему другу, ставшему врагом, Александр Иванович никак не может успокоиться, он знает, что Гервег продолжает бесчестить его имя и имя его жены. И тогда ему приходит в голову идея, которая полностью овладевает им: Гервега, нарушившего моральный кодекс поведения «нового человека», должен судить суд чести, составленный из членов европейской демократии. Как он считает, это был бы первый в истории опыт наказания «злодея без старого суда, без старого поединка – одной силой демократического мнения». Но Герцен вынужден отложить организацию суда из-за тяжелого морального и физического состояния жены, которая к тому же вновь ожидает ребенка. 30 апреля на свет появляется мальчик, Владимир, который прожил всего один день. А 2 мая скончалась и Наталя Александровна.

После смерти жены состояние Герцена можно описать двумя словами: отчаяние и ярость. Он одержим идеей суда над человеком, которого винит в трагедии семьи. Александр Иванович обращается к людям, пользовавшимся авторитетом в революционно-демократической среде, с просьбой рассудить его конфликт с Гервегом, подчеркивая, что это не просто конфликт между двумя личностями, но провал опыта построения «семейной коммуны», провал революционной идеи.



FRANÇOIS GOS
CLARENS

HUBACHER & CO SA BERNE

ZERMATT, MONT CERVIN (4505m.) SUISSE

Pictorem

Церматт, афиша 19 в. Один из редких "светлых дней" в Швейцарии Герцен провел здесь

Летом 1852 года Александр Иванович в очередной раз приезжает в Швейцарию. Именно здесь живет большинство тех, на кого он возглавляет надежду в своих намерениях осуществить задуманное – организовать если не суд над Гервегом, то коллективное выступление в свою поддержку. Герцен останавливается в Люцерне, Цюрихе, Лугано. Везде, разъясняя свою позицию, он вынужден вновь и вновь рассказывать о том, что произошло. Доходит до того, что Герцен направляет письма с просьбой выразить свое отношение к ситуации таким далеким от его семьи людям, как Жорж Санд и Рихард Вагнер, обосновывая это тем, что они являются экспертами в вопросах любовных отношений. Вагнер принял сторону Гервега; Жорж Санд не ответила. В итоге семейная драма Герцена обсуждается повсюду в Европе и становится поистине «европейским скандалом». Такие разные люди как Иван Тургенев, Александр II и даже Карл Маркс в курсе событий. В итоге несколько человек подписали письмо, в котором заявляли, что они гордятся дружбой с Герценом «вследствие его выдающихся достоинств», и что, отказавшись от дуэли, «Герцен поступил согласно нашим убеждениям».

На этом закончилась драматическая история, стоившая жизни ее участнице. Оставаться в Швейцарии далее не имело смысла. Герцен заезжает по делам в Берн, Женеву, а потом во Фрибур. Здесь, в гостинице «Церингер Хоф» (Züringer Hof), существующей и поныне, 1 августа 1852 года он составляет завещание и оставляет его в местной нотариальной конторе. Потом едет в Интерлакен, забирает сына Александра, которого на время оставлял там, и отправляется в Париж, а затем уже и в Англию. В Швейцарию Герцен вернется очень нескоро.

Через много лет Герцен, который постоянно размышлял над произошедшим, так объяснит дочери Наталье причину трагедии: «Для нас семейная жизнь была на втором плане, на первом – наша деятельность. Ну и смотри – пропаганда наша удалась, а семейная жизнь пострадала». Герцен очень точно сформулировал суть проблемы. Даже став гражданином Швейцарии, русский человек остается вне «швейцарского мифа», не становится его частью. Для него деятельность на благо человечества важнее семейной жизни. Напомним, еще Жуковский подметил: швейцарцы счастливы именно потому, что умеют «жить с собой», довольствуясь малым и только тем, что нужно именно им, а не стремясь осчастливить все человечество. Добавим от себя: тот, кто стремится осчастливить все человечество, обречен вечно страдать, поскольку берется за неразрешимую задачу. В итоге, и человечество не осчастливит, и сам несчастен. В конце жизни Герцен признает: «жизнь частная – погублена».



Girard del.

Chamane sc.

VUE DE FRIBOURG PRISE DU GÖTTBERG.

(FRIBOURG)

Фрибур. Здесь, в гостинице «Церингер Хоф», существующей и поныне, Герцен составляет завещание

1848 – 1852 годы, период, тесно связанный со Швейцарией, оказался в жизни Александра Ивановича чрезвычайно тяжелым. Крах иллюзий, связанных с европейской революцией, и разочарование в европейской буржуазной демократии совпало с крахом личной жизни: предательство друга, измена, а потом и смерть жены, гибель сына и матери. В «Былом и думах» Герцен напишет: «...все рухнуло: общее и личное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье. Камня на камне не осталось от прежней жизни».

Герцен вернется в Женеву двенадцать лет спустя, и вновь его жизнь в этом городе будет полна тревог и страданий.

От редакции: Продолжение рассказа вы сможете прочитать через неделю, 24 июля 2020 г., а все остальные очерки Н. Бегловой о "швейцарском рае", собраны в [досье. Швейцария](#)

Source URL:

<http://www.nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/legenda-o-shveycarskom-rae-13-aleksandr-gercen-russkiy-revolucioner-i-0>